№ 3

СМЕХАЧ

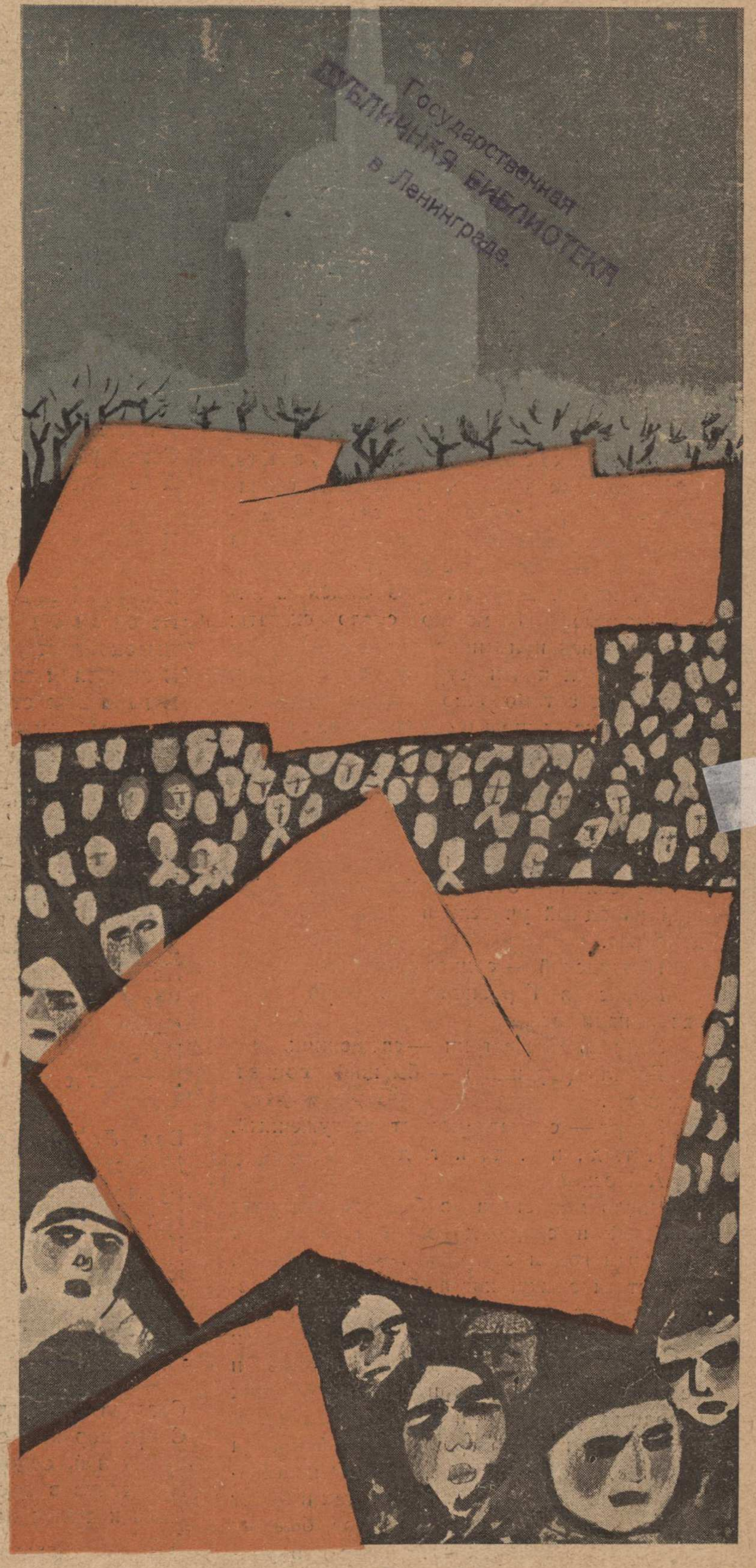
МАРТ 1924 Ленинград, Просп. 25 Октября, д. № 114, кв. 17. Тел. 1-77-60 ЦЕНА 25 КОП

НЕИЗБЕЖНЫЙ ПУТЬ

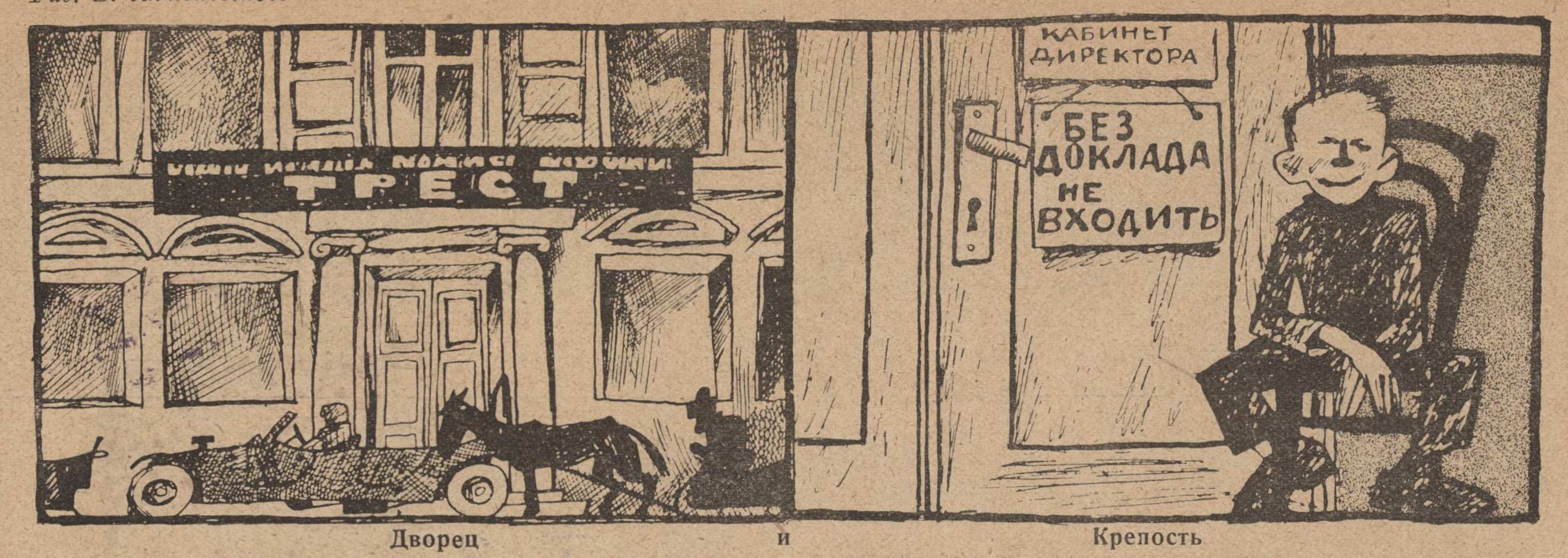
Рис. В. Козлинского

От дней работницы, —

ко „Дню работницы“

Дворец и Крепость

МОЛОЧНО-ВОДЯНОЙ

Давно уже замечено, что самые воинственные люди в мире — священники, сыновья священников, народные учителя, моралисты — одним словом, самые мирные люди в мире. Почему это так, я не знаю. Но достаточно сказать, что Ллойд-Джордж — сын народного учителя, моралист и бывший ярый пацифист; Муссолини — бывший народный учитель; Пуанкаре — тоже из этих... Кроме того, замечено еще, что неумеренной, неудержимой воинственностью отличаются социалдемократы и пацифисты. Люди, которых по-английски очень метко характеризуют: milk and water — молоко с водой, т.-е. этакое, знаете, мягонькое, жиденькое, склизкое, слизистое, — желе, — добренькое, сладенькое, — этакое расплывчатое, благодушное. Именно эти люди — „молоко с водой" — и отличаются наибольшей, наигрознейшей воинственностью. И можно смело сказать: Европа — накануне новой войны, — потому что во всех почти странах европейских, у власти стоят молочно-водяные, розовато-голубенькие: сыновья священников, народные учителя, социалдемократы или бывшие социалдемократы, националисты и моралисты, — словом: добрейшие, добродушнейшие люди.

Давайте перечислим.

Муссолини — о нем я уже сказал: бывший народный учитель и бывший социалдемократ.

Пилсудский — социал-демократ.

Маркс (в Германии) — бывший радикал и пацифист.

Зейпель (в Австрии) — священник.

Бриан (Франция) — бывший социалдемократ.

Эберт — социалдемократ заслуженный.

И т. д., и т. д., и т. д.

А Носке?

Число министров из бывших народных учителей и социал-демократов возрастает с каждым годом с угрожающей быстротой.

Кстати скажу: когда будет через несколько лет опубликована история нашей гражданской войны, вы будете поражены: какое огромное количество атаманов и белогвардейских шаек и банд из бывших народных учителей и социалистов (с.-д. и с.-р.)! В главе о гражданской войне на Украине самые мрачные, самые кошмарные, самые кровавые страницы так и будут пестрить именами бывших эсэров, бывших меньшевиков, бывших священников и учителей...

Я нисколько не удивился, когда прочел в газетах, что МакДональд собирается строить крейсера. Я, когда прочел об этом в газетах, не воскликнул изумленно: — Ах!

А совершенно спокойно, совершенно невозмутимо сказал: — Ну, вот...

То-есть, как будто я этого ожидал.

И действительно, я этого ожидал. Я знал, что это будет. Я знал, что этого не может не быть. Я знал, что Макдональд будет строить крейсера.

Потому что Макдональд — социалист и пацифист — и вдобавок еще бывший народный учитель.

Я живо помню, как во время войны, в 1915—17 г.г. Макдональд стоял за мир. Он был во время войны страшно мирно настроен. Когда ему говорили, давайте же *бороться* за мир, объявим войну войне, — он отмахивался молочно-водяным этаким жестом:

— Нет, нет, что вы?! Бороться?! Война войне?! Нет! Я — против *всякой* войны.

Он не боролся против войны, он только стоял за мир. Он только говорил, поелику разрешала цензура. То-есть, он молчал.

Я помню, как воинственная консервативная английская пресса вешала на него собак. „Таймс" называл его „гунном", „тайным сообщником Ленина и Троцкого", а „Морнинг-Пост" — газета в высшей степени „благородная" и аристократическая — советовала арестовать его и, если возможно, прикончить...

Уже тогда можно было предсказать, что этот человек, если он будет у власти, будет строить крейсера..

И, — подождите еще, — крейсера — только начало. То ли еще будет!..

Впрочем, вряд ли еще что-нибудь будет.

Ибо дни власти молочно-водяного воинственного пацифиста сочтены.

Постройку крейсеров докончат другие.

А. Меньшой

„ИНЫХ УЖ НЕТ, А ТЕ ДАЛЕЧЕ..."

Сегодня стукнуло семь лет
С тех пор, как стукнули по трону,
С тяжелой гирею, как след, —
На Дне ко дну пустив корону.
Семь красных вех. Иных уж нет,
А те далече... псами стонут...

Примером, — доблестный кадет,
Во дни таврических побед
Являвший важную персону;
Не он ли с думского крыльца
Высокобарственно, но мило,
В защитной маске простеца, —
В цари нам ставил Михаила?
А ныне... ныне сей эдил,
Увенчанный на повороте —
В берлинском плавает болоте
Не без „Руля", но без ветрил!

Керенский... Чернью окружен,
На мусорных обломках трона,
Разыгрывал когда-то он —
Без трех вершков Наполеона, —
Пока не вышвырнули вон,
Взяв за загривок беспардонно.
Сейчас сей муж самовлюбленно
Во „Днях" любуясь сам собой,
Вступает с истиною в бой!

Вон — Либер, „бабушка", Чернов,
Министр селянский и красавец,
Кумир ревнителей основ,
И тысячи иных пиявиц...
Неимоверно их число,
Но было сочтено в два счета,
Когда пургой переворота
В глубь эммигрантского болота
Всю эту нечисть унесло...

Сегодня стукнуло семь лет,
С тех пор как стукнули по трону;
Стучу и я, седой поэт,
Прибегнув в спешке к ремингтону.
Семь красных вех. Иных уж нет,
А те далече... псами стонут...

В. В. Князев

СКРЫТАЯ ЭКОНОМИКА

— У нас, братцы мои, какой замечательный трест... Богатеющий!

— Да, ну?!

— Ей-богу! Например, в другом месте — бумаги прямо на столах валяются, — пылятся. А у нас, брат, аккуратно: под сукном держат.

В ПИВНОЙ

— Смотри-ка, пока мы с тобой бутылку — он полдюжину ошарашил.

— Не иначе сам председатель лиги „Время"!

У ГАДАЛКИ

— Иметь тебе, милая, мужа молодого, краснощекого, при деньгах крупных... Да вы чего же это плачете-то?

— Краснощекова... При деньгах... Ну пиши пропало.

БЕСПЛАТНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ БИЛЕТ

(Посвящается А. Серафимовичу)

Я люблю сильный и яркий талант А. Серафимовича.

И вот почему я почувствовал в сердце боль, когда прочитал, что по случаю исполнившегося 35-ти летнего юбилея его литературной деятельности он получил билет на бесплатный проезд по всем дорогам СССР.

Мне представилось следующее.

Получив билет, А. Серафимович радостно воскликнул:

— Теперь постранствую! Теперь-то попутешествую!

Для А. Серафимовича город всегда был вокзалом, а местожительством вагон. Непоседа он. Любит колесить по деревням, по заводам, где меньше людей, но больше человека...

Пошел он на городскую станцию. Хвост у кассы был порядочный. Подошел было А. Серафимович к окошечку, но все закричали:

— В очередь! В очередь!

— Я... я вне очереди...

Но все опять закричали:

— Мы все внеочередные!

Действительно, все были „внеочередные". Пришлось стать в самом конце очереди. Стоять пришлось долго. Всетаки часа через три А. Серафимович оказался уже вторым у окошечка.

Но в эту минуту из окошечка высунулось серьезное лицо кассира и бесстрастно заявило:

— Все билеты проданы.

— Все?.. Может-быть, на завтра есть...

Но из окошечка бесстрастный голос заявил:

— Ни на завтра, ни на после-завтра. Продано.

Окошечко захлопнулось. Возле А. Серафимовича вырос посыльный:

— Вам куда ехать? Достанем-с... Червонец за труды...

А. Серафимович ничего не ответил, но он видел, как по углам пошел шопот с посыльными. Отсчитывали деньги и вручали посыльным.

— Поезжайте, товарищ, на вокзальчик, — ехидно посоветовал посыльный, который не получил ответа от А. Серафимовича: — только там надо часов на пять раньше... Может, получите билетик.

А. Серафимович подумал:

— Пожалуй, он прав. На вокзале получу место. Придется опять ждать... Ну, да все равно день пропал.

У вокзальной кассы стояло уже человек 200, хотя касса должна была открыться лишь через два с половиною часа. У окошечка была надпись: „Билетов поступило в продажу 42". Но все стояли и ждали чуда. Кто-то пустил слух, что прицепят еще два вагона. Все верили и все ждали.

Слух оказался ложным, а когда открылась касса, оказалось, что на 19-м пассажире кончились все 42 билета. Среди 19 счастливцев 17 оказались носильщиками.

Пассажиры подняли традиционный скандал, но по традиции скандал ни чем не кончился и все отправились по своим делам довольные: носильщики, потому что им посчастливилось; кассир потому что... он кассир, а пассажиры потому, что им удалось поскандалить.

У А. Серафимовича промелькнула мысль:

— Пойду к коменданту... Иногда это устраивает. Подумано — сделано. Комендант, посмотрев на билет, вскочил с места и воскликнул:

— Вы — товарищ Серафимович? Как я рад познакомиться с вами. Почему-же вы раньше не зашли? Впрочем, подождите, сейчас позвоню в ТПО.

Комендант позвонил и через минуту сообщил:

— Сюда идет. Хочет познакомиться с вами, товарищ Серафимович.

Минут через десять вошел дежурный ТПО.

— Товарищ Серафимович!

Он накинулся на руку А. Серафимовича и стал ее жать с такой силой, точно задался целью превратить ее в лепешку.

— Местечко, вот, надо устроить товарищу! — сказал комендант.

— Местечко... Давайте подумаем.

— В корридоре разве! — нерешительно сказал комендант.

А. Серафимович обрадовался:

— В корридоре, так в корридоре. Лишь-бы поехать...

И все сразу обрадовались:

— Вот и чудесно! В корридоре международного вагона... Там скамеечка есть. Недавно член ВЦИК'а тоже так ехал. Не успел билета получить.

Через 20 минут А. Серафимович сидел „на скамеечке, на которой недавно ехал член ВЦИК'а", в корридоре международного вагона.

Мимо него проходили и занимали свои купе многие из тех, которые шептались с посыльными.

Наконец, поезд тронулся. Вещей у А. Серафимовича не было. Был только портфель, в котором лежали документы и... бесплатный билет на проезд по всем железным дорогам СССР.

А. Серафимовича стал одолевать сон; он примостил кое-как к стенке вагона портфель, приник к нему головой и вздремнул.

Вдруг он почувствовал толчок. Он проснулся, хотел поправить под головой портфель, но... портфеля не было. Он машинально посмотрел по направлению к двери и увидел какого-то оборванца, который быстро прыгнул к выходу. В руках у оборванца был портфель. Поезд стоял на какой-то очень большой станции.

— Держите! — закричал А. Серафимович, но тут-же замолчал, что-то как будто сообразив...

Выскочили пассажиры. Начались расспросы:

— Украли? Что украли?

Кто-то заявил, что при входе в вагон, а он входил обратно из буфета, он столкнулся с каким-то воришкой, который бежал с портфелем.

— Как будто ваш! — обратился он к А. Серафимовичу.

Но последний твердо заявил:

— Вы ошиблись, у меня никакого портфеля не было.

Было ему, конечно, жалко документов и некоторых заметок, которые были в портфеле, но, вспомнив, что там был и бесплатный билет, А. Серафимович даже и думать о них не хотел.

Со следующей станции А. Серафимович, действительно, как предсказывал комендант, поехал в купе... Он с удовольствием, после бессонной ночи, растянулся на диване. Одно только облачко омрачало это удовольствие. Он боялся, что вор, за ненадобностью, вернет ему документы и... бесплатный билет.

О. Л. Д'ор

МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ

(Для спекулянтов)

Рис. Ив. Малютина.

Подымается... Подымается... Подыма... Стойте: остановился!

ШИРОКАЯ МАСЛЯНИЦА

Рис. В. Козлинского

— Это... что такое?
— Борьба с самогоном.

— А почему люди лежат?
— Самогон победил.

ДИКТОФОН

Ах, до чего, все-таки, американцы народ острый! Сколько удивительных открытий, сколько великих изобретений они сделали! Пар, безопасные бритвы Жиллет, вращение земли вокруг своей оси — все это открыто и придумано американцами и отчасти англичанами.

А теперь извольте: снова осчастливлено человечество — подарили американцы миру особую машину — Диктофон.

Конечно, может эта машина несколько и раньше придумана, но нам то прислали ее только что.

Это был торжественный и замечательный день, когда прислали эту машинку.

Масса народу собралось посмотреть на эту диковинку.

Многоуважаемый всеми Константин Иванович Деревяшкин снял с машины чехол и благоговейно обтер ее тряпочкой. И в ту минуту мы воочию убедились, какой это великий гений изобрел ее. Действительно: масса винтиков, валиков и хитроумных загугуленок бросились нам в лицо. Было даже удивительно подумать, как эта машинка столь нежная и хрупкая на вид, может работать и соответствовать своему назначению.

Ах, Америка, Америка, — какая это великая страна!

Когда машина была осмотрена, многоуважаемый всеми товарищ Деревяшкин, похвально отозвавшись об американцах, сказал несколько вступительных слов о пользе гениальных изобретений. Потом было приступлено к практическим опытам.

— Кто из вас, — сказал Константин Иванович, — желает сказать несколько слов в этот гениальный аппарат?

Тут выступил уважаемый товарищ Тыкин, Василий. Худой такой, длинный, по шестому разряду получающий жалование плюс за сверхурочные.

— Дозвольте, — говорит, — мне испробовать.

Разрешили ему.

Подошел он к машинке не без некоторого волнения, долго думал, чего бы ему такое сказать, но ничего не придумав и, махнув рукой, отошел от машины, искренне горюя о своей малограмотности.

Затем подошел другой. Этот, не долго думая, крикнул в открытый рупор:

— Эй ты, чертова дура!

Тотчас открыли крышку, вынули валик, вставили его куда следует и что же? — доподлинно и точно валик передал всем присутствующим вышеуказанные слова.

Тогда восхищенные зрители наперерыв протискивались к трубе, пр бyя говорить то одну, то другую фразу или лозунг. Машинка послушно записывала все в точности.

Тут снова выступил Василий Тыкин, получающий жалование по шестому разряду плюс сверхурочные, и предложил комунибудь из общества неприлично заругаться в трубу.

Многоуважаемый Константин Иванович Деревяшкин сначала категорически воспретил ругаться в рупор, и даже топнул ногой, но потом, после некоторого колебания, увлеченный этой идеей, велел позвать из соседнего дома бывшего черноморца — отчаянного ругателя и буяна.

Черноморец не заставил себя долго ждать — явился.

— Куда, — спрашивает, — ругаться? В какое отверстие?

Ну, указали ему, конечно. А он как загнет, как загнет — аж сам многоуважаемый Деревяшкин руками развел, дескать, — здорово пущено, это вам не Америка.

Засим, еле оторвав черноморца от трубы, — поставили валик. И действительно аппарат опять в точности и неуклонно произвел запись.

Тогда все снова стали подходить, пробуя ругаться в отверстие на все лады и наречия. Потом стали изображать различные звуки: хлопали в ладоши, делали ногами чечетку, щелкали языком — машинка действовала безотлагательно.

Тут действительно все увидели насколько велико и гениально это изобретение.

Единственно только жаль, что эта машинка оказалась несколько хрупкая и неприспособленная к резким звукам. Так например, Константин Иванович выстрелил из нагана, и, конечно, не в трубу, а, так сказать, сбоку, чтобы для истории запечатлеть на валик звук выстрела — и что же? — оказалось, что машинка испортилась, сдала.

С этой стороны лавры американских изобретателей и спекулянтов несколько меркнут и понижаются.

Впрочем, заслуга ихняя все же велика и значительна перед лицом человечества.

Мих. Зощенко

КОНЕЦ ВЕЛИКОМУ ПОСТУ

Рис. Б. Антоновского

Не в том штука, что — широкая масляница. А в том, что первый блин — не комом.

„СПЕЦОДЕЖДА“

Рис. А Радакова

— Что ж это за штаны?! Даже без прорехи...

— Нельзя же, товарищ, все сразу! Прореху мы выдадим дополнительно.

ЛЮБОВЬ

Окраинный двор. Полдень. Мороз. С треском хлопнула дверь квартиры и двор зазвенел истошным, животным криком:

— Караул—убивают! Убил, на смерть уби-ил! Помогите!

Полуголая баба, в растерзанной кофте, нелепо забилась по узкому дворику. По лбу у бабы—тоненькой струйкой кровь. И жидкие космы волос прилипли к кровавой щеке.

За бабой—костлявый, худой мужиченка. Муж. В глазах оголтелая злоба. Догнал и жестким худым кулаком, как молотком, стал бить по плоской груди, по лицу, по спине — тупо и мерно, словно гвозди вгонял.

Баба хрипела со всхлипом.

Хлопнула дверь у соседей. Вышел сосед — увидал, подбежал и крепкой рукой отшвырнул мужиченку. Потом размахнулся, и тот нескладно и жалко зарылся в сугроб, пуская кровавые слюни.

Баба с минуту еще подвывала. Глянула — сразу умолкла. И вдруг с дикой яростью кинулась на молодого соседа-спасителя. Тот, растерявшись, схватился за расцарапанный в кровь подбородок. Беспомощно вытянул руки.

— Тоже защитник! Кобель! Лучше смотри за своей лахудрой!

И баба, жалостно плача, старалась поднять из сугроба мужа. Тот отбивался ногами и целил бабе в живот.

Вас. Лебедев

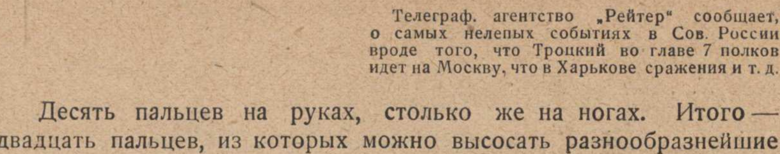
НАГЛЯДНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Рис. А. Р.

— И еще спрашивают, почему я в партию не вступаю!

„РЕЙТЕРИАДА“

Телеграф. агентство „Рейтер“ сообщает, о самых нелепых событиях в Сов. России вроде того, что Троцкий во главе 7 полков идет на Москву, что в Харькове сражения и т. д.

Десять пальцев на руках, столько же на ногах. Итого — двадцать пальцев, из которых можно высосать разнообразнейшие достоверные сведения об ужасах, происходящих в С. С. С. Р.

Двадцать авторитетных источников, — и все же как убога фантазия „рейтеровских“ молодцов! Как мало содержимого оказалось в их пальцах!..

Мы спешим притти на помощь зарубежным „собратиям по перу“ и предлагаем для использования несколько „самых достоверных“ известий. Вот они.

В ОГНЕ ВОССТАНИЙ.

Россия охвачена пламенем восстания. Первыми взбунтовались ударные отряды негров, вследствие уменьшения пайка (вместо мяса младенцев им предложили по фунту соли и по десять золотников нюхательного табака). К неграм вскоре присоединились китайские, самоедские, испанские и санитарные полки. Верными правительству остаются только отряды по борьбе с неграмотностью и дивизион сибирских медведей.

ГДЕ СОВНАРКОМ.

Нашему корреспонденту удалось выяснить, что Совнарком, захватив Царь пушку, засел на колокольне Ивана Великаго, переименованной в колокольню 25 Октября. Беспрерывно слышна канонада. Снаряды, повидимому, на исходе. Совнарком решил заряжать Царь-пушку декретами, имеющими ужасную разрушительную силу. Пол-Москвы стерто с лица земли. Крестьяне спешно подвозят к стенам Кремля тракторы и продналоги, готовясь к генеральному штурму.

ТРОЦКИЙ ВОЗГЛАВЛЯЕТ ПОВСТАНЦЕВ.

Троцкий находится в трех верстах от Москвы, в местечке Ножницы, откуда руководит операциями. Для большей популярности, он переименовался в великого князя Николая Николаевича.

Живая церковь поднесла ему звание красного патриарха и Царь-колокол, украшающий отныне стол его походной канцелярии.

* * *

Мы думаем, что этих сведений вполне достаточно, чтобы всякому заграничному дураку стали очевидны:

1) несвоевременность признания СССР де юре и

2) необходимость спешной интервенции.

Б. Владимиров

БАБЬИ ЧАСТУШКИ

Я курсанта полюбила—
Все курсанты душки.
Надоел мне Ваня милый:
Все твердит про пушки.

Полюбила — не резон —
Я артиллериста,
Меня мама гонит вон
Вместе с коммунистом.

Говорила Ване я:
Что, ты, черт, кобенишься?
Говоришь, что я твоя,
А никак не женишься!

Не хочу я в закс итти:
Больно мама лютая,
Хочет внучку окрестить
И назвать Анютою.

Старики скулят без толку,
За попов цепляются.
Не удержишь комсомолку:
По собраньям шляется.

Коммунисты, коммунисты,
Коммунисты-ленинцы!
Прокляла артиллериста:
На другой он женится.

Мой-от милый в партработу
Погрузился с головой.
Командир он женской роты
И командует женой.

Говорит мне муж про флаги,
Похваляется собой,
Равноправье на бумаге,
А на деле мордобой.

Т.

КСТАТИ

— Читали? Пред-Сто Каменевым разрешено выдать крестьянам в долгосрочный кредит несколько десятков кос?

— Ага, нашла-таки коса на Каменева.

В БЕЛОМ ДОМЕ

Юз: — Эти большевики окончательно обнаглели. Если — говорят — нас не признаете, получите шиш с маслом..

Куллидж: — Гм... А почем же они, по крайней мере, предлагали масло?

СТАРЫЙ КУРС

— Чего, бабушка, помирать боишься? Жизнь, ведь, наша— копейка...

— Да какая она нонче копейка-то: по курсу. Вот дождусь твердого курса, тогда [illegible] и помру.

НА ТВЕРДОЙ ПОЗИЦИИ

459 саженей в длину и 125 саж. 2 аршина 8 вершков в ширину. Почва—преимущественно песчаная. Растительность—умеренная.

Разумеется, это далеко не то, к чему должен стремиться уважающий себя организатор „Возрождения России“.

И если Петр Иванович Ахтыбожьев обосновался все же на жалком *Острове Моржей*, так это по особо веским причинам, о которых он и весь его кабинет скромно умалчивают.

Достоверно известно, что и Петр Иванович и премьер-министр Иван Петрович Переперченко в один голос (единогласно!) уверяют, что остров Моржей—промежуточный этап на великом пути отвоевания порабощенной России.

Министр иностранных дел граф Каблуков даже брошюрку такую сочиняет для трудового населения.

Но на острове Моржей, к сожалению, никакого трудового населения не оказалось. Даже моржей. Может быть, они когда нибудь и водились на острове. Но, как говорится, были да вышли.

— Аэроплан!!

Премьер-министр, министр иностранных дел, и сам Верховный Правитель Петр Иванович стремительно ныряют в кусты и оттуда выглядывают, трясясь от благородного нетерпения.

— Коммунисты... — мертвый от радости шепчет Иван Петрович.

— Если эти наглецы сойдут на нашу территорию и пожелают вступить со мною в переговоры,—предупреждаю заранее: я не выйду—заявляет Петр Иванович.

— Мы тоже! — шепчет Иван Петрович, презрительно съеживаясь в комок.

Единодушие внутри правительства — очевидное!

— Только бы они не задержались здесь долго и не поставили бы нас в безвыходное положение... — резонно замечает министр иностранных дел.

— Бомба!!!

От аэроплана что-то отделилось, быстро прорезало воздух и хлопнулось в десяти шагах.

В правительстве—паника.

Не отрывая глаз от упавшего предмета, правитель и министры ползком на животе пятятся назад. 125 саж. 2 аршина 8 вершков—не такая большая дистанция, и вот уже ноги опускаются в море—ползти дальше некуда.

Проходят двадцать четыре томительных часа ожидания.

— Повидимому, не взорвется... — высказывает предположение Петр Иванович. Иван Петрович соглашается. Граф Каблуков не возражает.

Идут на место гнусного покушения.

Странно! В газету завернуты обглоданные кости.

Граф Каблуков, как тонкий бывший знаток, безошибочно определяет:

— Курица.

Петр Иванович и Иван Петрович не возражают.

Единодушно текут слюнки.

— Что это?! — кричит негодующе Петр Иванович, потрясая просаленной газетой: — Жалкие трусы! Они признали де-юре С. С. С. Р.!

— Кто они?

— Англичане!

— Негодяи!

— Предатели! Нога моя у них больше не будет! Пусть не расчитывают на нашу помощь!

Негодование переполняет единогласно все правительство бывшего Острова Моржей, вырывается наружу и заливает остров.

Организуется митинг протеста. Торжественно сожжены газета и останки курицы.

С пением „боже царя храни“ процессия (Верх. Правитель, премьер-министр и мининдел) обходит остров Моржей.

459 саженей в длину и 125 саж. 2 аршина 8 вершков в ширину.

И Прутков

СОКРАТИЛИ

Сократили. Вышел за ворота,
Посмотрел печально на завод...
В волосах дрожали капли пота,
Мысли черные сплетались в хоровод.
Зашагал, пошатываясь, к дому,
И стучало сердце молотком.
А тоска легла на сердце комом...
А в глазах — контора и завком...
Об'яснили, что народу лишка
Сократили двести человек —
И в руках дрожала серенькая книжка,
Сердце робкое расчетный штамп рассек.
Попрощался, пожимали руки
И глядели виновато вниз.
Понял он, что трудовые муки
Вместе с радостью переплелись.
Домой вернулся... Дверь открыла быстро
Его любимая подруга и жена.
В глазах у ней играли золотые искры—
В него перелилась горячая волна.
И лезли малыши на грязные колени,
И самовар кипел, как прежде, на столе...
Дрожали на стене изменчивые тени,
Мороз разрисовал узоры на стекле.
А ночью снились шестерни и сверла,
Тиски и горны, и ремни...
Гудок орет во все стальное горло,
По мастерским затеплились огни.
Проснулся он; часы, хрипя, пробили,
И к блузе тянется привычная рука...
Но слово грозное вставало: сократили,
Насильно оторвали от станка.
На биржу шел по улице сонливой...
Мороз щипал лицо и лез за воротник,
А в мускулах переливалась сила...
Он к молотку с измалости привык!

Н. Тихомиров

КООПЕРАТИВНАЯ ЗАГАДКА

Вопрос.—Какое верхнее платье—на *высокий рост* и *не по плечу* покупателю—распространено в наших кооперативах?

Ответ.—То, которое красуется на всех фабричных ценах,—*накидка*.

ПРОЭКТ БОРЬБЫ С ПЬЯНСТВОМ

Рис. Ив. Малютина

Проэкт этот основан на почете. В дни получек, на пути к сберегательной кассе (мимо всех пивных) выстраиваются: жена, теща, дочери — вообще, женский пол. Нанимается духовой оркестр. Берется на прокат фотографический аппарат. После чего, мужья выходят с заводов и идут туда, куда им надлежит идти. Или — не идут. Все зависит от того, какие мужья. Иных мужей никаким проэктом не проймешь. Тем менее — этим.

ПЯТИЛЕТИЕ КОМИНТЕРНА

Рис. Б. Антоновского

— Смотри: пишет римское „V"...
— Ох, не прописывает-ли нам русскую „V"-цу.

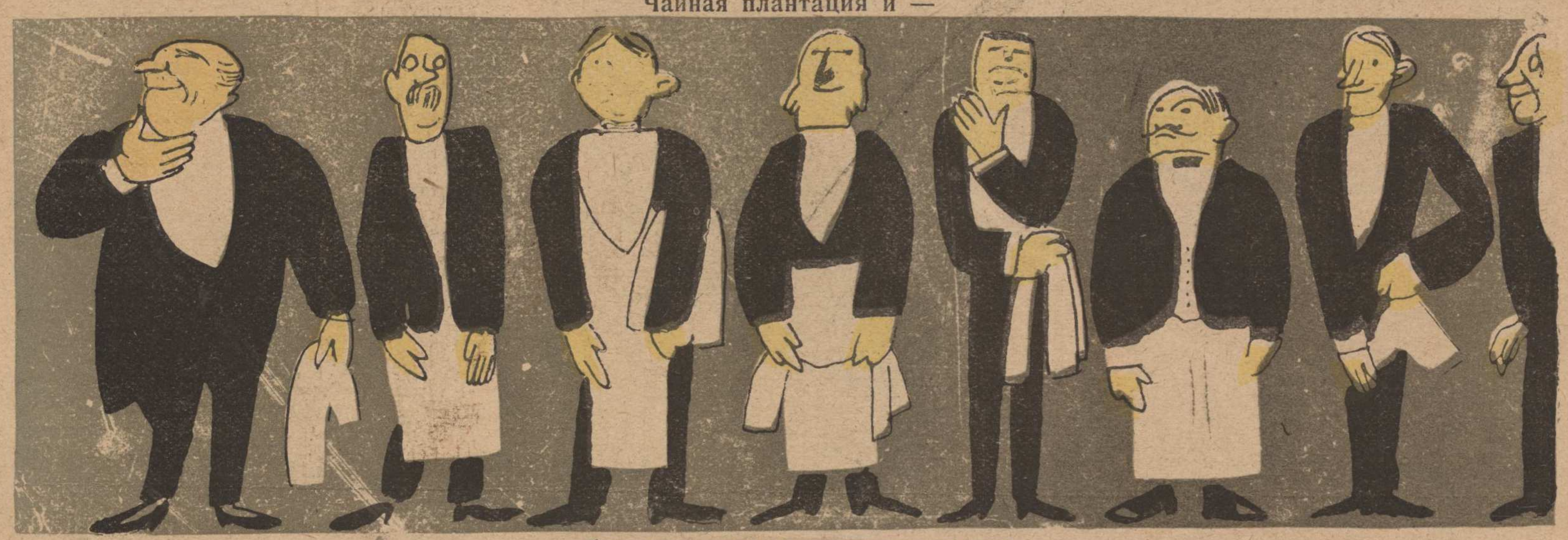
СТРАНИЦА О ЧАЮЩИХ

Рис А. Радакова

ЮГ НА СЕВЕРЕ

Чайная плантация и —

сборщики чаев в ожидании урожая

ЖЕРТВА ДЕЛИКАТНОСТИ

— Как-же ты позволил этому типу дать тебе на чай?
— А это, понимаешь, у него так нечаянно вышло...

ВО ИМЯ ЛОГИКИ

— Ча-аю воскресе-ния ме-ертвых...
— Брось, старик! Нонче, брат, чаевые отменены!

ДВЕ МОСКВЫ

Рис. Ив. Малютина

Ночь,—как тысяча прежних ночей,
И снег все так же синь,
И в небе, в темных провалах пустынь
Стынут нити лучей.

Все так же—древняя церковь темна
Тенью ушедших лет;
В сутулом домишке кривит стена,
В окнах—слепой свет.

И тот же Ванька в шапке смешной,
И конь, и кривая дуга.
И думы все те-ж: „Эх! ночь-то долга...
Пождать, аль трогать домой?..“

Как странно! Ужель вот здесь—Москва
И стен кремлевских зубцы?!
Ужель отсюда во все концы
Набатом гремят слова?!

Б. Ж.

ЖЕНСКИЙ СЕКРЕТ

Вот какую историю рассказала нам почтеннейшая Акулина Сидоровна Веревкина, супруга бригадира слесарей:

— Надо вам сказать, что мы жили в полном великодушии до того самого дня, как Григорь Заяц открыл пивную, и только он сделал это открытие, так мы и завыли белугами, по причине того что супруги наши очень даже уважение к Григорю Зайцу проявили.

И кабы мы еще могли артельщика устеречь, который из города жалованье привозит, так еще бы полбеды. Скажем, артельщик — тут и мы — которые жены — тоже тут. Ну, окружишь контору, вот благоверному и нет выхода, а как вышел, сейчас его под белые ручки и силком мимо искушения и проволокешь. А прозевали артельщика, значит половина получки в пивной!

Ну, вот однажды, случилась такая чудесность, что ждали мы артельщика через неделю, а он возьми, да прибудь сегодня. Мы то по домам сидим, нам горюшка мало, а которые мужья, эдак дверь в контору покрепче прикрыли и стрелочникову цепную собаку к ней прис[illegible]азили, чтобы никому выхода не было и до нас известие нельзя было донесть.

Так и пропили бы деньги, кабы не уборщица Маруся Савыкина. Девка она ядреная, кровь с молоком, такая, что даже сам местком против нее не устоит. Попала Маруся в очередь на получку первой, а у самой сердце так и обливается кровью, — как ей до нас сообщение сделать? Вот она эдак глазом на артельщика метнула, бровью повела, — так у того слюни и потекли. А она ему:

— Ах, какой вы расперекрасавчик! Куда лучше того артельщика, что раньше вас приезжал. Кабы, — грит, — не стыдно, я бы вас поцеловала.

Которые сзади стоят, — в неудовольствии

— Просим, — грят, — не задерживать посторонними разговорами.

А артельщик, — старикашка на этот раз попался паршивый, да слюнявый, да лысый, млеет весь, в дрожание пришел и на все один ответ дает:

— Просю без указки. Тут никаких разносторонних разговоров, а одна форма!

А Маруся дыханием его обжигает, нагнулась будто расписаться, а сама эдак жжет и жжет артельщика, — целуй, дескать, дурак в щеку. Артельщик аж зажмурился, но соблазн превозмог и только языком щелкнул.

А Маруся как заорет не своим голосом:

— Калавур! Он меня целует и предлог делает!

Артельщик в обиду:

— Брешешь, — говорит, — хучь я и был в соблазне, но себя превозмог.

А Маруся еще громче „калавур“ да „калавур“. Ее успокаивают, дурой зовут, а она ревет, как паровоз „Э“ или „Щ“. Пес цепной этот рев услыхал, лай поднял, на который Гепеу и нагрянул. Еще больше шуму, протокол писать начали. Артельщик аж волосы рвет.

— Это, — грит, — клевета и опечатка!

А тут один-другой заглянет, весть и пронеслась, что артельщик приехал. Собрались мы в один миг и только нас Маруся увидала, разом утихла и говорит очень даже великатно:

— Простите великодушно, как мне показалось, а они меня не целовали, а языком щелкали.

— Чего же ты, дуреха, протокол писать заставила?

— Извините, потому как затмение нашло.

Плюнули на нее и протокол порвали. Мы муженьков под конвоем увели, а Маруся артельщика дождалась.

— Отойди, — говорит артельщик, — ведьма, чтоб ты сдохла, осрамила ты меня на старости лет!

А она ему:

— Нас, — грит, — никто сичас не видит, а за мое беспокойство, как я премного виновата, позвольте вину искупить.

И поцеловала его так, что у него аж дух захватило.

— Сердитесь? — спрашивает.

— Нет. Теперь не сержусь. За такой поцелуй можно два позора принять.

— Ну, тогда прощайте.

— Чего же ты скандал поднимала?

— А это, — отвечает, — женский секрет.

И бегом от артельщика убежала и целую неделю после того была больна, все ее мутило и никак от того поцелуя отплеваться не могла.

Евграф Дольский

БЫВШАЯ ВЕЛИКАЯ

Сотни лет пичкали человечество
Восторженные поэты — служители муз —
Что никто так не любит своего отечества,
Как веселый, задорный, храбрый француз.

И даже ужасы распинаемого Рура
Объясняли честным гневом Жака и Бланш...
Такова-де французская патриотическая
натура!
Таков-де Законный долгожданный реванш!

Но в какую теперь обращаться инстанцию?
На кого-же теперь возлагать вину?
Французы обокрали великую Францию!
Патриоты обжулили родную страну!

Было много толков о разоренных селах,
Было много планов о днях золотых,
Пелось много песен — бодрых и веселых,
Давалось много клятв — громких и святых,

И вдруг: финал, как в плохих пантомимах...
Вот тебе и клятвы! Кругом красота:
Скандал в газетах, скамья подсудимых,
Дутые книги и подложные счета.

Чрезвычайно сконфужено наивное человечество,
Верящее в святость слов и бумаг:
— Этак любить „многострадальное“ отечество,
Может, извините, всякий дурак!

Этак и ягненка любит пантера:
Сцапала — и съела. Готов! Уже!
Но, ведь, Франция — страна Руссо и Вольтера!
Но, ведь, Франция — страна Гюго и Беранже!

Милое человечество! Глупое человечество!
Вам пора отрезвиться от красивых фраз!
Миновала пора французского молодечества.
Буржуа позабыли баррикадный экстаз.

Давно притупились насмешки Вольтера,
Давно отзвучали песни Гюго.
Франция — страна банкиров, адюльтера,
Продажных газет, Пуанкаре и танго.

И если, что странно — согласитесь сами! —
В неожиданном финале патриотического
кабаре,
Так только то, что в раскрытой панаме
Не замешан сам Раймонд Пуанкаре.

А. д'Актиль

В СВЕТЕ РЕЛИГИИ

— Папа! Что такое — *госстрах?*

— Госстрах... Это, сын мой, — господень страх. Сиречь, страх перед господом.

— А *госспирт?*

— Гм! Ну, это... Это намёк на самогон церковный.

ЭПИДЕМИЯ НОВОВВЕДЕНИЙ

— Вам, гражданка, для вступления в брак придется представить метрическое свидетельство...

— Вы, уж, будьте добры, товарищ — скажите, как это на аршины то выйдет: мы еще к метрам то непривычны...

НА УГЛУ

— Аа!.. Сколько лет, сколько зим не видались... Как детки? Сколько их у вас теперь?

— Да что там, всего пятьдесят шесть...

— ?

— Ну, да. Я же заведую детдомом.

В КИНО

— По профсоюзным? Только на первый: с пяти часов.

— Но у нас работы в шесть кончаются.

— Что делать? Профсоюзам везде первое место.

40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ

ЛЬВЫ, ТИГРЫ И ВОЗДУШНЫЕ НОЖКИ

В раю, если верить библейским сказкам, мирно уживались, не кушая друг друга, — Адам и Ева, львы, тигры, слоны и прочие квартиранты.

Сказкам никто не верит, а вот факты — это другое дело: против неумолимого факта современности не пойдешь! Прочитайте это объявление (иллюстрированное нами):

1-й Гос. ЦИ К Цветной бульвар, 13.

Сегодня 21 февраля,

чистый сбор поступает в кассу 2-го Московского Университета

Вступительное слово произнесут:

Пред. ВЦИК т. КАЛИНИН, М. И,

Народ. Ком. по Просв. т. ЛУНАЧАРСКIЙ, А. В.

В предст. прим. участ: артистка Бол. Акад. театра

Екатерина Васильевна ГЕЛЬЦЕР,

а также **ГРУППА бенгальских ТИГРОВ**.

Взгляните на этих двух добродушных львов, по бокам („Канцлер“ и „Слесарь“) чьи выступления так неприятны для боязливых иностранцев, — на этого симпатичного тигра, свесившего усы и бородку и как будто прислушивающегося к словам Наркомпроса. Наконец, обратите внимание, что рядом с ними совершенно безбоязненно летают по воздуху ничем не защищенные ножки балерины — и вы поймете, что рай возможен на земле.

„ЧАСОВЩИКИ“ БЕЗ ЧАСОВ

„Труд“ рассказывает про один вечер московской лиги „Время“, —

„программа которого должна была иллюстрировать идеи лиги. („Точность, целесообразность, система, быстрота и порядок“).

Иллюстрация удалась на славу:

1) Вечер начался с опозданием на 25 минут.
2) Длинные антракты вызывали шумные протесты потерявшей терпенье публики.

Таким образом, цель была достигнута, при наименьших затратах (опоздания и антракты обходятся устроителям совсем дешево); и каждый участник вечера уходил домой преображенным, унося искреннее желание сказать своим детям:

— Детки! „Время“ в ковычках и время без ковычек — „две большие разницы“.

Бойтесь сделаться эльвистами!

ДОЛОЙ КУЛЬТУРУ! ДА ЗДРАВСТВУЮТ ТРОГЛОДИТЫ!

Театр военных действий — Ленинградская Филармония.

Время открытия действий — концерт Неждановой и Собинова.

Участники сражения — учащиеся ВУЗ'ов, милиция, пожарные.

Сводка (по сведениям воен. корреспондентов „Красной Газеты“):

„Объединившись в группу численностью до 300 человек, учащиеся требовали, чтобы их пропустили свободно в зал. Сначала был поднят шум на главной лестнице, а затем вытесненная пожарной охраной группа заняла лестницу на хоры и преградила доступ имевшим билеты.

Соединенные усилия пожарной охраны и чинов милиции не привели ни к чему, и только вызванные дополнительно постовые очистили через полчаса лестницу на хоры. Тогда толпа вновь собралась на главной лестнице и администрация, уступая силе, вынуждена была их пропустить, чтобы не срывать концерта“.

Победители ворвались в зал, опрокинули все, что там было живого, и завладели позициями неприятеля.

И теперь, если ленинградец видит десять пожарных частей, мчащихся карьером по улице, он знает, в чем дело:

— Студенты ВУЗ'ов интересуются искусством.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ

— Ну, а ты много вчера насбирал?

Чего там, пустяки: триста миллиардов и четыре копейки.

СИБИРСКАЯ МЕХАНИКА

Смотрите, какой башковатый народ — сибиряки!

„Выписка из протокола № 12 заседания правления при иркутском губотделе ВСРПП от 24 января 1924 г.

Слушали: Заявление Бесневич Марии, механически выбывшей из членов союза после того, как была снята с работы по постановлению правления, *как имеющая работающего мужа.*

Постановили: Принимая во внимание, что т. Бесневич, М. вновь может выбыть из союза, как только уладятся ее семейные обстоятельства, а посему просить т. Бесневич, М *представить документы, что она с мужем разводится* и снова будет иметь возможность работать в типографии, как единственная работница в семье.

Председатель: Толчинский.

Секретарь: Озерников.

Чтобы пояснить это мудрое решение, председатель, вероятно, сказал несчастной жене, имеющей работающего мужа:

— Как представите нам, товарищ документы о разводе, можете опять всецело свестись с товарищем-мужем — в рассуждении внутренного совместительства, но без внешних оффициальных проявлений такового, (например, в смысле деторождения).

НОВЫЕ ИМЕНА

В иных местах „ростки нового быта“ очень смахивают на столетние гнилые корни.

Корреспондент „Известий Витебского Губкома“ с удовлетворением сообщает, что у них —

„ребенку, в память *Ленских* событий дается имя *Леонид*“.

Эх, придумали новое имячко!

Этаким порядком, — в честь *Маркса*, младенца можно озвездить *Марьей*, а в честь тов. *Троцкого* — *Троицей*.

Даже попы „благословят сие словообразование“, не противоречащее христианским святцам.

Пожалуй только предложат дополнить — *Святая Троица*.

„М И Р“

Мужички д. Парфильево. Зименк. вол. купили бычка-производителя. Некоторым этот бычек не понравился. Собрали сход и решили бычка продать. Продали, а деньги пропили

Коровы, конечно, в наше время не верят в беспорочное зачатие, но с фактом придется примириться.

ВЫ думаете:

Паника от землетрясения? Нефтяная панама в Америке? Второй всемирный потоп? Появление ихтиозавра на Маросейке? Падение золотого метеорита? Экстренный выпуск о признании СССР Францией?

Ничего подобного! Просто все подписываются на

„СМЕХАЧ“

Впрочем, когда вы получите этот №, мы уже выстроим несколько дополнительных касс и вы сумеете подписаться, не рискуя ребрами и душевным спокойствием.

Условия подписки такие:

на 1 месяц	— р. 35 к.	на 3 месяца с газ. „Гудок“	3 р. — к.
„ 1 „ с газ. „Гудок“	1 „ 05 „	„ 6 месяцев	2 „ — „
„ 3 месяца	1 „ — „	„ 6 „ с газ. „Гудок“	6 „ — „

Подписка принимается в Главной Конторе газ. „Гудок“ — Москва, Солянка, 12. Дворец Труда.
По Северо-Западной Области — в Ленинграде, Просп. Володарского, 53-а Книжн. склад Ц. К. Ж. Д.

ПОЛКОВНИК СЕРАФИМ

„Дабы предупредить раздоры среди епископов на почве борьбы за первенство, бывш. патриарх Тихон назначил митрополитом Ленинградским митрополита Серафима (Чичагова), бывш. полковника конного полка.

Митрополит встал рано. Он быстро побрился, натянул лакированные высокие сапоги, в которых когда-то участвовал на скачках и которые одевал теперь в особо-торжественных случаях; одел галифе, гимнастерку. Потом хотел одеть шпоры, но раздумал, надел на все рясу и пошел в церковь.

В церкви было пусто, в углу стояли три нищенки старушки.

Митрополит подошел к ним.

— Во фронт! — сказал он.

— Благословите, отец — прогнусавили старушки.

— Старые клячи, подумал митрополит и прошел в алтарь.

— Начнемте раннюю? — спросил диакон.

— Что же, пожалуй! В атаку, так сказать! Коли-руби! Хе-хе! — и увидав пустую церковь прибавил: — Неприятеля не вижу.

Служба началась.

Митрополит стоял и мрачно смотрел в окно на улицу.

— Ишь, холуй, — пробормотал он, увидав в окно извозчика — подковать ее надо да почистить. Опять же шенкеля-бы этой лошади...

Днем он созвал городское духовенство и обратился к ним с речью такого рода:

— Господа офице... виноват, чорт возь... тьфу прости ты господи... Святейшие отцы... Получив власть над митрополией, хочу предварить вас о виденных мною непорядках...

Сторожа и диаконы совершенно не дисциплинированы. Ходят, как шпафирки. Грудь надо вперед, животы назад... Замечено также, что церковные лошади не чистятся и не объезжаются, кроме того им дают слишком много воды.. Певчие поют гнусаво и не весело... Подъему нет, песенного задора... Надо, например, так: „Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет. Ать-два... горе не беда, канареечка жалобно поет...“

Что до неприятеля... то-есть прихожан. то необходимо установить дисциплину... Разбить всех на эскадроны, роты и десятки... Ходить на богослужение в порядке очереди... по ротам...

Митрополит говорил еще долго.

Вечером митрополит с двумя священниками играл в штосс. Диакон Вениамин, скопческого вида, с круглыми глупыми глазами, открывал пятую бутылку коньяку.

— Как подаешь, чорт собачий? — кричал митрополит. — Кому служишь? Вычисти сапоги, да поставь самовар... Господа, святейшие отцы! Устроим попойку, да споем на кавалерийский наш напев: „Богородица дево, радуйся, ать, два; горе не беда... Дево, радуйся!“ Все подпевали.

С. Т

ЗАБЛАГОВРЕМЕННО

Рис. Ив. Малютина

— И вы, Иван Иваныч, на коньках практикуетесь?

— Приходится, знаете. На-днях письмо из Нарыма имели: советуют — заблаговременно. Чтобы на месте не учиться

РАЕШНИК.

Почтенная публика, любезные читатели „Смехача“ (стало быть, вся Советская республика)! Пишу вам нынче сгоряча.

Нынче я вéсел, словно именинник, — по причине весьма важной: потому — у меня в сапоге завёлся *полтинник* — настоящий, а не бумажный!

Скажу между нами, — пробовал его зубами — не поддаётся! Бросил на стол, — не бьётся, — да такой звон пошёл, аж до этих пор в ушах отдаётся!..

Взял монету (жаль, думаю, нету портмонету!), завязал, братцы, в платок, а платок сунул в сапог, за голенище: мол, не бумажные тыщи, а добро куда почище — *серебро!* За него любой грабитель, валюты любитель, не токмо выврнет ребро, а и голову свернет в одночасье. А на это нет моего полного согласья! Теперичи хожу да этак в бок, нет-нет, и гляжу на левый сапог, под голенище — тут ли, мол, серебряный дружище?!

Постойте, (эк, язык-то у меня какой!) — всё о полтине да о полтине... Хотел говорить о женщине трудовой, а застрял на мужчине.

Есть у меня, братцы, жена (хорошо еще, что — одна!) — не то, чтобы сатана, но и не шёлковая овечка. Я ей — слово, она — два словечка. Я, напр., — два, она четыре. Не переспоришь, как ни разевай рот пошире.

Напр., для меня бесспорно ясно: *должно быть разделение труда.* А жена упорно несогласна, говорит: — Ерунда! что-ж это, говорит, за разделение такое?! Тебе — удовольствие, мне — ни минуты покоя. Тебе — книжки да приятные беседы, а мне — ребятишки, посуда, белье, рынок, обеды. Ты — на лекции аль на митинги насчёт признания С. С. С. Р. Европой, а я — для Митеньки чулки штопай! А там, гляди, — Коленька обидел Оленьку, а Митька Мишке на лбу учредил шишки. Рёв, крик, возня — день изо дня. Выслушал я жену да и ляпнул со зла: зачем, мол, родила? Сама и виновата!

Теперь, братцы, вижу, что сказал довольно глуповато... Ведь, это-ж только в писании бывает от святого духа, а в жизни — знате сами! — сепаратно не наживешь брюха. Каюсь, братцы, — рассуждал как скотина...

Стой! Вот он, мой сапог, а в сапоге — полтина.

Думаете — в пивную, на пропой? Ан, нет! — к жене, к ребятам — домой!

Чего и вам желаю. Будьте здоровы. *Иван Кузьмич*

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ОБ ЭКОНОМИИ БУМАГИ

Насколько непроизводительно тратится бумага, можно наглядно убедиться на следующем примере.

Ленинградская „Красная Газета“ в вечернем выпуске 23-го февраля напечатала:

> **Случайное убийство.** Вчера в д. № 41 по Кирочной ул. гражд. Клавдия Шойкина, 18 лет, рассматривала берданку и не зная, что она заряжена нажала спуск. Раздался выстрел, которым был убит наповал брат Шойкиной.

а в утреннем выпуске 24-го февраля:

> **Убийство сестры.** В ночь на 23 февраля, гр. Шайкин, проживающий в д. № 41 по Кирочной улице, неосторожно обращаясь с берданкой, убил наповал свою 18-летнюю сестру Каавдию. Дело передано народному следователю.

Между тем, можно было ограничиться помещением только одной заметки, удачно соединив в ней две предыдущие.

> **Случайное убийство сестры и брата.** В ночь на 23 февраля в д. № 41, по Кирочной ул., граждане Клавдия Шойкина 18 лет и брат ее Шайкин рассматривали берданку и нажали спуск. Берданка не зная, что она заряжена, выстрелила, убив наповал обоих. Дело передано народному следователю.

ЛОШАДИНАЯ ДОЗА

Доктора, работающие в Ленинградском журнале **„Гигиена и здоровье рабочей семьи“**, повидимому, ярые противники гомеопатии.

Уж коли пропишут пилюлю, так она и в горло не пролазит. Вот — образчик журнальной пилюльки „на один прием для взрослых“:

> Ответ на вопросы читателей. Комсомольцу Юркину.
>
> „Сами по себе танцы безвредны. Но если принять во внимание, **что** танцы обычно затягиваются далеко за полночь, в часы, предназначенные для отдыха, **что** танцоры часто злоупотребляют танцами (много и быстро танцуют), **что** может отразиться на здоровьи сердца, **что** танцуют большею частью в тесных и душных помещениях, **откуда** нередко разгоряченные выходят на холодный воздух, **после чего** простужаются, то едва-ли приходится говорить о пользе танцев.

Равно, как и о пользе лошадиной дозы для бедного читателя-человека.

ВНИМАНИЕ! ПРОФЕССОР ПИШЕТ...

Фамилию профессора мы не знаем. Презирая славу и почести профессор укрылся под тремя звездочками. Укрылся он в московском журнале „Свирель Пана“ (№ 1, 1923 г.).

А пишет профессор рецензию на одну книгу современного писателя От книги профессор в восторге:

> „Это — интересный образчик нынешней прозы.
> Уверенно и умело движется перо...
> Легко соединяется слово со словом, предложение с предложением“.

Да уж что говорить! Лихо пишут современные писатели: слово соединяется со словом, предложения с предложениями... Небось и знаки препинания есть и разные падежи. Ах, черт, здорово народ пишет! Лучше самого профессора.

АСТРОНОМИЯ ПОД РУКОЙ

Вновь приближается к земле открытая в прошлом году астрономом Дубяго комета, названная им „1923-а“.

СТИЛЬ

Рассказ **К. Мазовского**

Жена смотрела на чавкающего Уськина, на его кирпичного цвета лысину, мутные судачьи глаза и чувствовала ненависть.

— Налился пивом.

— Фи-и, кель выражанс!...

Уськин пьяно поморщился.

— Лидочка, пощади! Не унижай мои эстетические концепции. Как можно налиться? Это нелогично, абсурдно, иррационально! Я, правда, выпил, грубо выражаясь, пару пива, но почему я выпил?

Уськин воззрился на свой указательный палец.

— Почему? Потому что задыхаюсь в атмосфере домашней косности. Почему задыхаюсь? Потому что кругозор жены уже ее юбки, меня не удовлетворяет. Потому что...

— Ну, поехал, запотомукал!.. Прохвост ты, вот кто!..

Уськин выпрямился.

— Лидия Савна! Предупреждаю вас, несмотря на наши довольно близкие отношения, я, как гражданин есесесер, привлеку вас за оскорбление во время отдыха после служебных обязанностей.

Уськин оттолкнул тарелку.

— Почему я ем котлету, отсталую буржуазную котлету старорежимного строя?

— Хорошо, завтра я велю подать тебе суп из буденовки и жареную „Правду“.

— Почему ты купила два календаря, один мне, другой себе? Ты думаешь, я не понимаю? В кабинете у нас 29, а в спальне 15, почему?

— Потому что у меня свой стиль.

— А-а, по-твоему о стилях не спорят. Нет-с, извините! Вот возьму сейчас и вырву тридцать дней из твоего стиля.

— Посмей только тронуть!

— Я все вижу. Первое мая у тебя замазано чернилами, а дурацкое благовещение раскрашено красным карандашом.

Жена позвонила.

— Глаша, уберите со стола.

— Какая она тебе Глаша? Какая Глаша?

— Слушай, я прошу тебя при прислуге...

— Не прислуга, а домашняя работница!.. Глафира Ивановна! Товарищ Петрова! Прошу садиться. Вам следует получить зарплату.

Уськин отсчитал деньги, вложил в конверт и подал.

— Прошу получить по ставке союза. Всем ли вы довольны, товарищ? Жалоб нет никаких?

Глафира смущенно вертела угол передника.

— Может-быть имеете жалобу?

— Имею...

— Прошу заявлять, не стесняйтесь.

— Стакан я сегодня разбила.

Жена отделилась от спинки стула.

— Уж не мой ли, с цветочками?

— С цветочками...

— Так и знала!.. Я не понимаю, как это можно все бить походя! Такой хороший стакан.. Руки у вас дырявые!..

— Прошу без комментариев. Стакан пустяки, Глафира Ивановна. Больше ничего?

— Примус испортился, коптит и иголка сломалась.

— Ага, неисправность кухонного механизма и отсутствие приспособительных инструментов. Тормозит производство при непроизводительной затрате топлива и труда. Запишем: срочный ремонт.

Глафира принялась убирать посуду. Уськин взглянул на часы.

— Виноват! Согласно кодекса труда ваш рабочий день кончен. Вы свободны. Можете идти, куда хотите.

Глафира испуганно подняла глаза и нерешительно пошла на кухню. Жена презрительно рассмеялась.

— Старый дурак!

Уськин ударил кулаком по столу. Столовый нож, подпрыгнув, со звоном полетел на пол.

Зиночка в страхе прижалась к матери и умоляюще сложила ручонки

— Папочка, не надо!

Уськин смутился.

— Прости, Зиночка, больше не буду. Иди ко мне, детка. Вот подожди, перекрещу тебя в Октябрину. Дочурка ты моя, Октя!..

— До чего нализался, своего ребенка Охтой стал звать. Не смей прикуривать от лампадки! Сколько раз я тебе говорила!

— Папа, а почему Глаша плачет?.. Делает постели, и слезы на одеялы капают.

— Что такое?

Уськин направился в спальню. Шыркая покрасневшим носом, Глафира взбивала подушки.

— Глафира Ивановна, в чем дело?

— Яков Степаныч... За что вы меня... сократили?

— Да что вы, никто вас не сокращал!

— Как же, сами давеча сказали, вы, мол свободны и можете итти, куда хотите.

Жена язвительно фыркнула.

— Ну, не дурак ли ты? Расстроил женщину!

— Успокойтесь, Глафира Ивановна, вы остаетесь на службе. Я даже заплачу вам сверхурочные за постели, и вообще с этого числа...

Уськин бросил взгляд на календарь и с ехидной улыбкой повернулся к жене.

— А позвольте вас спросить, какое сегодня число?

Жена позеленела: на календарном листочке стояла жирная двойка с девяткой.

— Это ты сделал!

— И не думал.

— Ты, ты, ты! Ты вырвал листки!

Глафира спокойно подняла голову.

— Из календаря-то? Я вырвала.

Комета „1924-б“. Открыта нами в созвездии кооператива. Хвост можно наблюдать невооруженным глазом.

— А кто вас просил? Кто просил?

— Я думала, забыли...

— Думала, думала!.. Суете свой нос, куда не следует!..

Уськин торжествующе хохотал. Жена всхлипывала, уткнувшись в подушку.

На завтра у Уськиных было три стиля: 16-е в спальне, 29-е на кухне и 30-е в кабинете.

Издатель: „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский гублит № 2650 Типо-Литография „Красный Печатник“ Ленинград. Международный, 75. Тираж 40.000 экз.

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Рис. Н. Радлова

(В четырех разновидностях — на выбор)

Когда муж беспартийный, а жена партийная

Когда жена беспартийная, а муж партийный

Когда оба партийные
(партдень)

И, наконец, когда оба беспартийные
(и все-таки дискуссия)